

# Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова»)

В. Л. Генис

Первые потоки вынужденных переселенцев из Средней Азии хлынули в Россию еще более 75 лет назад. Именно тогда постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июня 1920 г. перед местными парторганизациями была поставлена задача ликвидации неравноправных отношений, сложившихся в Туркестане между приплым европейским населением и коренными народами в результате «империалистической политики российского самодержавия». Для этого предписывалось срочно отобрать у обосновавшихся в «киргизских районах» русских крестьян «все земли, запроектированные переселенческим Управлением или самовольно отобранные переселенцами у киргиз (так тогда ошибочно называли и казахов. — В. Г.), оставляя переселенцам участки в размере трудового надела» и обращая изъятые земли «в фонд наделения киргизских обществ, артелей и отдельных лиц».

Предлагая проводить постановление в жизнь с неуклонной твердостью, беспощадно подавляя всякое сопротивление и «широко применяя систему высылки», Политбюро требовало «обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их какой-либо возможности не только руководить, но и влиять на организацию местной власти и на местное хозяйственное строительство путем широко применяемой системы реэмиграции». Предусматривалось выслать из Туркестана в российские концентрационные лагеря всех бывших служащих полиции и жандармерии, управляющих крупными предприятиями и тех из царских чиновников, использование коих «политически неприемлемо», спекулянтов, «всех примазавшихся к партии, советским органам, Красной Армии и т. п.», а также откомандировать в распоряжение ЦК РКП(б) «всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским шовинизмом»<sup>1</sup>. Так, руководствуясь самыми благими намерениями, всегда гордившиеся своим интернационализмом, большевистские лидеры по сути положили начало кампании по депортации русских из Туркестана.

Следует напомнить, что в 1906—1912 гг. в ходе столыпинской аграрной реформы царское правительство переселило в Туркестан свыше 438 тыс. крестьянских семей, отмежевав им 17,4 млн. дес. земли, главным образом уже освоенной коренным населением. В 1911 г. в Семиреченской обл. насчитывалось 155 русских поселков (123 крестьянских и 32 казачьих, население которых достигало 175 тыс. человек), в Сыр-Дарьинской обл. — 108 поселков, в Ферганской — 23, в Самаркандской — 13. Как указывалось

---

Генис Владимир Леонидович — литератор.

в «Отчете по ревизии Туркестанского края», произведенной сенатором графом К. К. Паленом, для устройства колонистов «чинами переселенческой партии предположено было разрушить свыше 5100 очагов оседлости с населением более 30 тыс. душ», причем в результате «массового смещения киргиз с зимовых стойбищ» из общей площади Семиреченской обл. (в 36 млн. дес., из которых 5 млн. приходилось на неудобные земли) из пользования коренного населения накануне первой мировой войны было изъято более 4 млн. десятин.

Вследствие «законных» и самовольных захватов колонистами лучших земель по водным линиям и скотопрогонных участков количество киргиз за период 1902—1913 гг. уменьшилось с 77% общей массы населения до 68,9%, дунган и таранчей (небольшая уйгурская группа) — с 6,7 до 4,9%, количество же русских и «прочих» возросло с 16,3 до 26,2%. Взаимоотношения колонистов и «туземцев» не были безоблачными, и при подавлении в 1916 г. мощного восстания, вспыхнувшего в связи с массовой мобилизацией киргиз на тыловые окопные работы, с помощью правительственных войск и части вооруженных поселенцев «десятки кишлаков и аулов в Джизакском уезде, в Семиречье и Сыр-Дарьинской области были стерты с лица земли». В послереволюционном хаосе коренных жителей по-прежнему безнаказанно грабили и даже убивали, заставляли бесплатно работать в качестве батраков и, не давая хлеба, обрекали их на голодную смерть, в результате чего к 1920 г., по утверждению члена Туркбюро ЦК РКП(б) Г. И. Сафарова, только в Семиречье вымерло более трети киргизского населения<sup>2</sup>.

Этому способствовало и то, что, признав Советскую власть, туркестанское крестьянство повело борьбу на два фронта — против киргиз и против казаков. «Великолепно усвоив принципы реквизиции и конфискации, — свидетельствовал современник, — оно отобрало у киргиз, неспособных организовать сопротивление, не только землю, но и скот. Казаки, будучи хорошо организованы и вооружены, не пожелали подчиниться крестьянской диктатуре, и борьба за первенство приняла вооруженный характер. Именно на этой почве и возник пресловутый Семиреченский фронт, фронт не классовый, а совершенно определенной сословной борьбы за киргизские земли». Местные же коммунисты, сплошь и рядом сами выходцы из семей колонистов, ратовали за проведение «пролетарской диктатуры» с отгеснением от власти всех не чисто пролетарских «инородческих» элементов<sup>3</sup>.

Объявив войну «кулацкому шовинизму» и свое твердое намерение вернуть киргизам отобранную у них землю, новое руководство республики сумело быстро завоевать их симпатии. Побывавший в Туркестане осенью 1921 г. чрезвычайный уполномоченный ВЦИК и Совнаркома РСФСР А. А. Иоффе сообщал в Москву о «небывалом, неслыханном, совершенно невероятном подъеме киргизской массы», указывая, что ничего подобного тому настроению, которое наблюдается среди коренного населения, ему никогда еще видеть не приходилось. «Это настроение кирбедноты в Семиречье, — подчеркивал Иоффе, — равного которому нет ни в одной из посещенных мною областей Туркестана, является первым и сильнейшим впечатлением о Семиречьи, впечатлением, перед которым меркнут даже ужасы экономической разрухи, опасности национальной розни и вражды и стоны и ропот обиженных (иногда бесшабашно и глупо обиженных) русских крестьян»<sup>4</sup>.

Официально, как указывалось в постановлении Туркбюро от 5 декабря 1920 г., землеустроительная реформа в Семиречье ставила своей первоочередной задачей устранение кабальной зависимости киргиз от русского населения путем аннулирования несправедливых арендных контрактов на землю и договоров по найму рабочей силы (батраков), а также сокращения нетрудового земплепользования кулаков вплоть до полного лишения их земли и инвентаря и высылки карательным порядком. В документе отмечалось, что «такого рода высылки должны иметь характер не массового выселения, а персонального», и их следует начать проводить по отношению к «заведомым кулацким центрам» и так называемым самовольческим

поселкам, организовавшимся на землях, оставленных киргизами с 1916 года<sup>5</sup>. Большевики собирались развеять десятилетиями укоренившееся в сознании русских поселенцев убеждение в их национальном превосходстве и праве на хозяйственные привилегии, на деле добиться восстановления прав киргизской бедноты на землю и воду «за счет колонизаторского кулачества».

Однако, стремясь ликвидировать одну историческую несправедливость (в отношении «угнетенных национальностей» российских окраин), в реальности местные партработники творили другую, не меньшую, ибо в своем большинстве подходили к реформе исключительно под агитационным углом зрения, придерживаясь твердого убеждения, что в интересах привлечения на свою сторону коренного населения требуется прежде всего наказать всех его обидчиков. «Поэтому, — информировал Иоффе Политбюро 16 октября, — помимо необходимого и правильного декларирования равноправия (политического и экономического) всех национальностей, поведен был поход против русских крестьян, которые все были объявлены колонизаторами и насильниками. Так как покарать всех русских крестьян в Семиречье, которых там все же свыше 300 тыс., нельзя, то начали искать «козлов отпущения», искусственно создавать «кулаков», которых экспроприировали, арестовывали, ссылали и даже расстреливали. Наказуемые по большей части случайно выдирались из общей массы, ибо цель была вовсе не в том, чтобы наказать виновных, а в том, чтобы дать киргизам наглядный урок нового отношения к ним новой власти и обратный урок русским колонизаторам»<sup>6</sup>.

Вернувшийся из Ташкента бывший председатель Туркбюро ЦК РКП(б) и Турккомиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР Я. Э. Рудзутак с возмущением сообщал Политбюро, что его коллега Сафаров, «взявшись со свойственным ему жаром за проведение земельной реформы, сплошь и рядом забывал основной принцип — национальное равенство — и стал проводить реформу по чисто националистической линии. В Семиречье начался настоящий крестовый поход против русского населения. Выселение русских поселков началось без какого-либо плана о дальнейшем их устройстве. Большинству было предписано выехать из села в двухдневный срок и направиться в Калужскую губернию. Добравшись сотни верст по семиреченскому тракту пешком и на волах до первой железнодорожной станции Аулие-Ата, переселенцы с семьями и скарбом, сотни семейств, должны были жить лагерем в степи под открытым небом, потому что железная дорога их не принимала. Выселялись не одни «самовольцы», но и старожильческие поселки»<sup>7</sup>.

Характерна история крестьян «старожильческого» села Высокого Чимкентского уезда Сырдарьинской обл., основанного поселенцами еще в 1888 году. Из этого села, согласно постановлению уездной землеустроительной комиссии, было выселено более 20 семей, которым предписывалось в трехдневный срок выехать из пределов Туркестана. «16/IV-21 г. явились к ним милиционеры, — докладывал в Турккомиссию уполномоченный Галицийского бюро при ЦК КП Туркестана К. Макогон, — и с помощью красноармейцев погрузили эти семейства и отправили на ст. Абаил Семиреченской железной дороги, где они на открытом воздухе под проливным дождем просидели трое суток. Между выселенцами преимущественно находятся старики, женщины и дети, есть грудные младенцы... Мужчины в рабочем возрасте частью арестованы и находятся в Ташкенте, а частью — в Красной Армии». Из Абаила крестьян привезли на станцию Чимкент, где «выбросили из вагонов на свежий воздух, и вот уже больше месяца, — замечал Макогон, — как они без пристанища и средств к существованию живут на станции и ждут решения своей судьбы»<sup>8</sup>.

О дальнейшей судьбе высокоцев известно из их же письма, адресованного комиссару внутренних дел республики. Хотя 9 июня ТуркЧК постановила выселить крестьян в двухнедельный срок из пределов Сырдарьинской области с конфискацией всего их имущества, Рудзутак добился отмены этого решения и дал высокоцам документ для предъявления его в землеводный отдел в Чимкенте, чтобы, как поясняли они, «восстановить наше

нарушенное во время высылки и ареста хозяйство». Поскольку местные власти так ничего и не предприняли для исправления допущенной по отношению к крестьянам несправедливости, их ходатаи снова отправились к Рудзутаку, который выдал им другую бумагу. «Нам в Чимкенте сказали, — жаловались высококовцы, — что пришлют комиссию для возвращения наделов, имущества и инвентаря, живого и мертвого, — трудовую норму. Но комиссия так и не приехала, а за это время проездом из Семиречья заехал в село Высокое т. Сафаров, переарестовал [нас] с полевых работ и отобрал бумагу за N 2170 — постановление Турккомиссии и ТуркЦИК, заставил маршировать с 4-х часов до вечера нас, стариков, а потом отправил в Ташкент, где посадил в арестное помещение ТуркЧК. Но через два дня нас выпустили и после долгих ходатайств объявили, что мы должны выселиться в Голодную степь».

Крестьяне горестно сетовали, что на новом месте устроиться уже «не в силах, потому что стали старые». Кроме того, писали они, «при страшном голоде, который посетил Россию, и [когда] 25 млн. жителей голодают, нужно заботиться, чтобы каждый засеял возможно больше, а нас лишают уже засеянного урожая и таким образом только увеличивают число голодающих... Нас, 24 семьи, обрекают на голодную смерть. Да не только нас, а и семьи наших детей, которые служат в Красной Армии. А за что? Что мы сделали, темные хлеборобы, копавшие вечно в земле?»<sup>9</sup>.

Подобные истории происходили и в других местах. Как констатировала «Комиссия ТуркЦИК по обследованию проведения земреформы в Джалалабадском районе Ферганской области», осуществленное в разгар полевых работ выселение 112 семей так называемых кулаков с занимаемых ими земель было произведено даже без выяснения их имущественного положения, а лишь на основе заявлений местных комячеек и комбедов, причем у крестьян отбирали не только их сельскохозяйственный инвентарь, который позже оказался расхищенным, но и домашнюю утварь. В заключении комиссии отмечалось «весьма тяжелое» положение более 1100 изгнанных из самовольческих поселков «выселенцев» вследствие необеспечения их жильем (что приводило к болезням детей) и продовольствием, ибо «при переселении среди лета с участков им не было разрешено воспользоваться урожаем, и в громадной части огороды и посевы погибли без пользы». Кроме того, жители поселков Заречье, Пироговское, Семихатки, Тушино и Общества «субботников» доказывали, что поселились в Фергане до 1916 г., и, следовательно, выселили их незаконно.

Как сообщал в ноябре в Москву член Турккомиссии и полномочный представитель ВЧК на территории Туркеспублики Я. Х. Петерс, реформа в Джалалабадском районе осуществлялась самым преступным образом: «При выселении кулацкого элемента сводились личные счета, в результате чего сотни людей находятся без приюта. Благодаря безобразиям той же земельной тройки у русских крестьян было отобрано оружие, — когда товарищам, проделывающим это, было известно, что такой шаг повлечет за собой разгромление русских поселков со стороны басмачей. На самом деле так и случилось: 27 поселков и 25 тыс. улей пчел были разгромлены отчасти басмачами, отчасти киргизами»<sup>10</sup>.

Информируя Политбюро ЦК РКП(б) о своих впечатлениях от поездки в Джалалабадский район, Иоффе писал: «У меня есть, так сказать, оправдательный доклад одного из главных деятелей этого «землерасстройства» — Бочкарева, русского, не коммуниста, пытающегося все свои детские и преступно-глупые бредни облачить в примитивно коммунистическую тогу. Исходная точка зрения такова: пришлое русское население является колонизаторским и грабительским по преимуществу; киргизское население, десятилетиями страдавшее от него, должно реально почувствовать, что теперь колонизаторству и эксплуатации пришел конец. Никаких других способов для этого, кроме уничтожения русского и всякого мало-мальски состоятельного [населения], не могут придумать. Создают «комиссию по расслоению» (только в Туркестане можно додуматься до такого идиотского названия), на обязанности которой лежит создание во что бы то ни стало

кулаков для того, чтобы было кого покарать в назидание мусульманской бедноте. При этом так и рассуждают: «не беда, если случайно пострадают менее виновные, ибо, во-первых, все виновны, а, во-вторых, только таким путем можно доказать киргизской бедноте, что власть в ее руках».

Все мои указания на то, что пролетарская власть вовсе не означает захвата ее или передачи ее оголтелой гольте в каждой отдельной деревушке и что у власти должны быть другие методы доказательства [того], что эксплуатации бедноты наступает конец, все эти убеждения не воспринимались. Фактически совершенно произвольно, считаясь с доносами и сводя личные счеты, творят «кулаков», которых разоряют до глы и таким образом «распределяют инвентарь». Создается положение, которое один пьяного вида и горьковского типа комбедчик (не коммунист) охарактеризовал мне дословно: «Я рассуждаю так: Ленин — молодец, и все это совершенно правильно. Раньше у нас одни имели много, а другие — ничего, теперь же никто ничего не имеет, и это хорошо»<sup>11</sup>.

В России уже был НЭП, а в Туркестане, в областях, затронутых земельной реформой, процветали самые жестокие формы «военного коммунизма». Неслучайно новый председатель Турккомиссии М. П. Томский, бессильный бороться с Сафаровым и его многочисленными «выучениками», благодаря которым борьба с колонизаторством превратилась в гонения против русских, еще 24 июля написал Ленину: «Я не вижу возможности сочетать политику продналога с дележкой инвентаря зажиточных крестьян среди бедноты. Комбеды и уравнильность никак не свяжешь со «свободой распоряжаться излишками»<sup>12</sup>.

По признанию Иоффе, при «чрезвычайно невысоком моральном уровне в Туркестане агентов Советской власти вообще и членов компартии в особенности» землеустроительная реформа изобиловала явными беззакониями и «проводилась методами дикого террора с демонстративными кошмарными избиениями русских в присутствии киргиз и приказами последним бить первых»<sup>13</sup>.

«Чтобы обеспечить себе опору в туземном населении, — свидетельствовал Рудзутак, — велась зачастую демагогически-националистическая пропаганда, в результате чего неоднократно прозвучали угрозы со стороны киргиз вырезать русское население. Землеустроительные тройки творили по поселкам невиданные бесчинства. Предписывали сельским и волостным ревкомам кормить их поросятами, «молодыми и жирными утками», требовали для себя «молодых женщин или девиц для стирки белья» (документы мною переданы в Контрольную комиссию). Легко себе представить, какое разложение это внесло среди населения и красноармейских частей, расквартированных по поселкам. На все это не только смотрели сквозь пальцы («нужно сломать сопротивление кулаков»), но и ответственные товарищи показывали не совсем хорошие примеры. Так, за одну лишь поездку Сафарова в Верный по причине лихой начальственной езды были загнаны до смерти три крестьянские лошади. После моего приезда [в Ташкент] мне удалось добиться возвращения значительной части в административном порядке высланных крестьян, отнюдь не кулаков, что внесло некоторое успокоение в напряженной атмосфере Семиречья, но мои попытки смягчить свирепые формы земельной реформы часто тормозились или самовольной отменой во время моей болезни Сафаровым моих распоряжений или же угрозами об отставке, если я не соглашался с его распоряжениями»<sup>14</sup>.

На фигуре Георгия Ивановича Сафарова стоит остановиться особо. Он родился в 1891 г. в Петербурге в интеллигентной интернациональной семье: отец, служивший архитектором, был армянином, а в матери текла польская и русская кровь. Еще в реальном училище под влиянием рассказов своего деда — бывшего каторжанина, участника польского восстания 1863 г. — юноша увлекся революционными идеями, в 1905 г. вступил в Союз молодежи при ПК РСДРП, а в марте 1908 г. — в большевистскую организацию. Уже будучи студентом Технологического института, Сафаров был арестован и после четырехмесячного заключения приговорен к двухлетней ссылке в Вологодскую губ., замененной разрешением выехать за границу.

Но в мае 1912 г., являясь секретарем Цюрихской секции большевиков, он возвращается в Петербург для проведения избирательной кампании в Госдуму и вскоре снова оказывается за решеткой. Освобожденный полгода спустя под залог, молодой революционер бежал во Францию, где учился в Электротехническом институте и трудился чернорабочим, кондуктором и электротехником на верфи в Сен-Назере. После того, как в январе 1916 г. его выслали из страны за антивоенную пропаганду, он обосновался в Швейцарии, откуда и приехал в Россию вместе с В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым.

Весной 1917 г., Сафаров сотрудничал в редакции газеты «Правда», затем был членом Самарского губкома и редактором «Поволжской правды», а с сентября работал в Екатеринбурге — товарищем председателя Уральского облсовета, членом бюро обкома РСДРП(б) и редактором «Уральского рабочего»; был причастен к организации убийства царской семьи. Во время гражданской войны неутомимый Сафаров создавал фронт против белочехов, редактировал «Петроградскую правду», служил начальником политотдела 10-й стрелковой дивизии (получил контузию), входил в состав редколлегии «Правды» и во время взрыва бомбы в здании МК РКП(б) в Леонтьевском пер. был ранен. В ноябре 1919 г. его командировали в Туркестан, где он сначала работал комиссаром агитационно-инструкторского поезда ВЦИК «Красный Восток», а с лета 1920 — членом Турккомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б). Невысокий, в очках, Сафаров обладал неимоверной энергией и, по свидетельству Иоффе, был очень популярен в «туземной интеллигентско-коммунистической среде», руководящая группа которой оказалась «вся целиком сафаровская». Кроме того, еще по политэмиграции «Сафарчика» хорошо знал Ленин, который в переписке с симпатией называл его Жоржиком и «самоварчиком», намекая, видимо, на эмоциональность и неуравновешенность своего юного друга. «Вы, Владимир Ильич, — писал ему Сафаров, — как-то при свидании на X съезде сказали, что для того, чтобы меня усмирить, «нужно три дивизии». Согласитесь, что у меня, действительно, несколько беспокойный темперамент для того, чтобы сидеть, сложа руки «в состоянии пассивного созерцания»<sup>15</sup>.

Еще в октябре 1920 г. Сафаров убеждал Ленина, что в Семиречье местная власть, «хотя и немного почищенная», находится под сильным влиянием русских плантаторов: «В Турккомземе и в местных земотделах старые столыпинские землеустроители. Это такая сволочь, что у меня лично является вполне красногвардейское желание их порасстрелять». Сафаров предлагал приступить к формированию «коммунистических землеустроительных партий» и начать проводить «сгон кулачья с чужой земли» — если нужно, при поддержке авторитета пары броневигов. Выступая в марте 1921 г. на X партсъезде в качестве содокладчика И. В. Сталина по национальному вопросу, Сафаров не без гордости рассказывал: «Сейчас в Туркестане, товарищи, нами предпринята земельная реформа... Мы не останавливаемся даже перед тем, чтобы сносить, выселять целые кулацкие поселки. Поскольку вы ставите вопрос вообще на почву настоящей классовой борьбы, на интернациональную почву, постольку этого вопроса решить иначе нельзя»<sup>16</sup>.

Впрочем, одними из первых жертв в войне с «колонизаторами» стали рядовые партийные и советские работники республики. «Весь Туркестан объявлен на осадном колонизаторско-националистическом положении, — жаловались 12 марта Ленину сотрудники полпредства Хорезмской республики в Москве Г. Андреев и Султанов. — Никто не застрахован от того, что по ложному доносу под именем колонизатора и националиста не будет завтра арестован и без всякого разбора дела выброшен с позором из края. Творится какой-то омерзительный ужас, место которому поистине в средневековые инквизиторские времена. Особенно в этом отношении свирепствует член Турккомиссии т. Сафаров. В этом он дошел до болезненных симптомов психоза. Ужас в том, что после обвинения любого из граждан Туркеспублики в одном из этих преступлений ...без суда и следствия происходит арест (следствие и суд здесь не применяются), препровождение

в общеарестный дом и потом, смотря через сколько месяцев о нем вспомнят, отправление этапным порядком в Самарскую губЧК»<sup>17</sup>.

О том, что для «завоевания доверия трудящихся окраин» Сафаров лично участвовал в экзекуциях над «колонизаторами», свидетельствуют, в частности, показания советских работников Каракольского уезда Семиреченской области. Приехав в июне в Каракол вместе с заместителем председателя ТуркЦИКа С. Ходжановым и некими Соколовским и Вихоревым, Сафаров произвел в городе ряд арестов и, захватив с собой председателя угорревкома Чонбашева, заведующего местным отделением (политбюро) ТуркЧК Андреева и его коменданта Фомина, отправился в с. Покровское, где был созван митинг. Приказав оцепить собравшихся красноармейцами продотряда, Сафаров произнес зажигательную речь и, заклеив селян «колонизаторской сволочью», заявил, что всех их надо «отправить к Колчаку на луну». После этого член Туркбюро стал принимать жалобы местных киргиз и распорядился арестовать указанных ими «обидчиков», которых набралось 60—70 человек, пообещав им, что они все будут расстреляны.

Из Покровского Сафаров поехал в с. Кольцовка, где, выведя на улицу райвоенкома Колесникова, в присутствии собравшихся киргиз начал его, по словам очевидца, «материть, называть сволочью, гадиной, мошенником, плутом, колонизатором». Арестовав военкома, Сафаров переключился на его делопроизводителя Комарова, который до революции служил кассиром всех железнодорожных касс станции Ташкент и народным судьей, и, пригрозив отправить его «на луну» этой же ночью, приказал одному из местных жителей избить «колонизатора». Киргиз долго колебался, но, как рассказывал сам Комаров, «вновь тов. Сафаров приказал набить мне морду. Под таким давлением Хаджимкулов начал бить ладонями по моим щекам и, подряд ударив раз двадцать, перестал, но Соколовский вновь приказал бить, и Хаджимкулов еще ударил раз тридцать и несколько раз кулаком в грудь. Тов. Сафаров, не переставая материться, подошел вплотную и, наставив револьвер мне в лоб, заявил, что через два часа я буду на луне».

В ходе допроса от Комарова требовали показаний против бывшего председателя уездной следственной комиссии Михалева, который якобы брал взятки у киргизских контрабандистов. («Тов. Андреев, — жаловался Михалев, — вызвал мою жену в село Покровка, где ее избивал до тех пор, пока не пошла кровь изо рта и ушей»). Ничего не добившись от Комарова, его заставили рыть себе могилу, но затем комендант Фомин приказал ему вылезти из полувыкопанной ямы и задал вопрос: «Ты наставлял винтовку на киргиз?» Как вспоминал сам арестованный, комендант «ударил меня по подбородку и сзади по лопаткам, причем, когда я давал ответ, Фомин ударял по подбородку, чтобы я прикусил язык. Натешившись вволю, посадили обратно в амбар. После этого вновь приводили Хаджимкулова для нанесения побоев, после чего били Соколовский, Андреев, Вихорев и Фомин. Это повторялось до утра».

Утром допрос продолжился и, по словам Комарова, когда он отказался подтвердить, что председатель уездной следственной комиссии давал ему поручения по делу Михалева, то «получил удар от тов. Сафарова в горло тычком и железной лишейкой по голове, который сделал несколько мелких прошибов кожи. Особенно сильно били Соколовский, Андреев, Фомин, Вихорев и Хаджимкулов, подходя по очереди... В это время шел дождь, крыша протекала, и под этот сток воды ставили меня, чтобы каплями и струей било мне по лысой голове. Харкая, плевали в лицо; ставили к стене углом и били кулаками по левому виску, а правым стучался об стену. Тов. Андреев в истязании побил рекорд: ударял коленом по груди, пинал в живот, бил по ушам и пробил барабанную перепонку. Дело доходило до обморока, я начинал качаться и приседать. Голова кружилась и ничего не видел, а они смеялись и, когда поднимался, вновь били и плевали в лицо, заставляли стоять по солдатски, руки по швам, на вытяжку. Недокончив допрашивать, вывели на митинг.

Шел дождь. Нас, а именно меня, Колесникова, [делопроизводителя]

Прохорова, [переводчика] Забирова, Савина (секретаря волревкома) и несколько киргиз (мы были раздеты, без шапок... меня поставили в лужу; сапоги приказали снять и стоять босыми) по очереди ставили на стол и [заставляли] поворачиваться на все стороны и говорить, что били за взятки... Били по лицу на глазах у всех жителей, ругали самой похабной бранью. Продёржали на этом собрании около двух с половиной часов под дождем, в луже. За пробиваемую дрожь били, называя «собачьей дрожью»; обводили несколько раз вокруг собравшегося народа. После этого повели опять на допрос и вновь били. За всю эту экзекуцию я получил больше тысячи ударов. Щеки почернели, вздулись и не гнулись, голова пробита, зубы не разжимались.

Тов. Сафаров, собираясь уезжать, приказал расстрелять нас в шесть часов вечера. Наконец, экзекуция кончилась и предложили подписать допрос. Я попросил прочесть, за что тов. Андреев вновь ударил несколько раз и заставил подписать... Во время битья я несколько раз просил воды, но не дали. Еще два раза падал в обморок. За это тоже били, посадили в амбар. Сафаров уехал. Андреев и Фомин приказали отправить нас в Каракол под конвоем Хаджимкулова без седел, что и было исполнено. Ничего взять с собой не разрешалось. Без седел прогнали в Каракол 17 верст, у меня место седелки было в крови, есть не дали [...]. Во время расправы в Кольцовке удивляло то, что вся комиссия ужасно сердилась на нас, выходили из себя. Доходило до того, что т. Андреев набрасывались на меня, давили мне горло до такой степени, что я хрипел. Он же обещал меня порезать на ремни, распороть живот, вымотать кишки и потом только пристрелить. 9 июля мы отправлены в гор. Алма-Ату в распоряжение облчека. Все описанное мною есть сущая правда, за малейшую ложь готов помереть».

Показания беспартийного Комарова подтверждали и остальные арестованные. «Перед допросом, — рассказывал райвоенком Колесников, — тов. Сафаров подошел ко мне, назвал мошенником и ударил по лицу, после чего завполитбюро Андреев в присутствии прочих товарищей приказал коменданту Фомину побить меня». После Фомина «начал бить Соколовский и тут же подходил тов. Сафаров и топтал мои ноги, от боли я шатался... К утру допрос был закончен, велели мне его подписать. Я попросил прочесть, и завполитбюро Андреев, несмотря на то, что я был сильно избит, позволил свалить меня на пол и грызть зубами, после чего я был вынужден подписать показание, содержание которого ...я не знаю». Колесников возмущался, что он, вступивший в партию в декабре 1918 г., несправедливо причислен к числу колонизаторов и угнетателей киргизского населения, «а что касается этих издевательств — бить револьверами, грызть зубами, сутки держать голодными, не давая ни капли воды, — я не заслужил их, в особенности от партийных товарищей».

Из Кольцовки член Турккомиссии отправился в с. Прудки, где все повторилось. Как отмечалось в одном из частных писем, перехваченных военной цензурой, жители села рассказывали, что Сафаров и Соколовский «по своему личному желанию ставили крестьян на стол, заставляли кричать на самого себя: «Я — дурак!» под угрозой поднятого револьвера, заставляли мужчин становиться по 5—6 человек и командовали: «Бегом!», брали крестьянина за бороду и били об стенку головой».

Кстати, и Колесников, и Михалев (последний во время допроса в Караколе 28 июня был жестоко избит и заперт в уборной, где, как он жаловался, «просидев в течение девяти дней, я заболел и даже не мог подниматься с места») неоднократно подчеркивали, что стали жертвами ложных доносов «киргизских манапов», которым они мешали заниматься контрабандой, и ездивший по уезду с Сафаровым предугорревкома Чонбашев якобы пригрозил киргизам, что они как мусульмане должны его выручить и дать обвинительные показания против русских. Об этом же писал и чекист Андреев, который в своих объяснительных записках на имя Петерса всячески старался оправдать себя и переложить всю вину на Сафарова и Соколовского.

Если верить Андрееву, на состоявшемся в середине сентября

в Караколе совещании ответственных киргизских работников Чонбашев сообщил им, что из Алма-Аты приехал член ревтрибунала для расследования дела Михалева и избия Сафаровым арестованных. Поэтому, заявил Чонбашев, надо отправить в села надежных людей, которые бы предупредили киргиз через влиятельных баев о том, что «никого не били и что материал на Михалева есть сущая правда, а также, чтобы сказали, что, правда, на митинге кто-то из киргиз ударил кого-то из арестованных, но кто это бил, они не заметили». Когда же один из ответственных работников все же сообщил следователю часть неприглядной правды, его заставили отказаться от своих показаний, поскольку якобы «все это перепутал переводчик». После чего Чонбашев и его приближенные «стали подбирать подходящего переводчика, т. е. такого, который бы переводил не так, как будут показывать допрашиваемые, а так как они решили давать показания по всему делу, т. е. заведомо ложные».

Петерс вспоминал, что многие из ответственных работников требовали прекратить «сафаровщину», но «Сафаров постарался дело поставить так, что это поход не против него, а против политики 5-го съезда [КПТ] и Турккомиссии. Затрубили во всю об опасности со стороны колонизаторов и, понятно, эти звуки привлекали много сторонников из полусознательной туземной публики [...]. Хотя Туркбюро во главе с Рудзутаком в большинстве стояло на точке зрения 5-го съезда и совершенно спокойно старалось обуздать самовольство Сафарова, но скоро Рудзук заболел, в Туркбюро наступило опять междуцарствие, Сафаров снова поехал в Семиречье, снова вопли о всяких безобразиях, творимых Сафаровым в русских поселках, и, наконец, мы решили, что необходимо Сафарова во что бы то ни стало из Туркестана убрать. Приехал Томский сменить Рудзутака, а я поехал в Москву, чтобы переговорить об отзыве Сафарова. В связи с всякими неладами в Москве были очень заняты, многие из членов Цека находились в отъезде, в том числе и Сталин. Я исключительно мог поговорить с Лениным». Остановились на том, что скоро в Ташкент вернется Г. Я. Сокольников (первый председатель Туркбюро, работавший в республике в августе-декабре 1920 г. и находившийся тогда на лечении в Германии) и сумеет разрешить спорные «вопросы»<sup>18</sup>.

Отвергнув 16 июля требование Рудзутака об отзыве Сафарова из Туркестана, Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «Т. Сафарова от работы в Турккомиссии не освобождать». Одновременно было решено командировать Иоффе «в инструкторско-контрольную поездку» в Туркеспублику и ввести его в состав Турккомиссии. Хотя Томский также настаивал на немедленном отзыве Сафарова, а Зиновьев ходатайствовал о назначении «Жоржика» секретарем Исполкома Коминтерна, Ленин игнорировал эти предложения, надеясь помирить туркестанских антагонистов с помощью Иоффе. В директиве последнему, утвержденной Политбюро 3 августа, указывалось, что при сложности национальных взаимоотношений в Туркестане следует «балансировать», то есть бороться против колонизаторства, но «не уничтожать опору Республики, из которой набираются там основные красные части». При этом подчеркивалось, что «земельная реформа должна быть проведена и должны быть ликвидированы следы хищнических захватов, однако без вытеснения земледельцев кочевниками. Должна вестись борьба против антисоветских элементов, но слишком примитивные и неосторожные меры не должны изгонять массами население целых областей»<sup>19</sup>.

В частной беседе с Иоффе Томский и Сафаров заявили ему, что заключили между собой соглашение: первый обязуется признавать правильным все сделанное Сафаровым в области так называемой землеустроительной реформы, а второй обещает не осуществлять ее в дальнейшем прежними «драконовскими» методами и не производить никаких высылков, арестов, конфискаций и т. п. Тем не менее, обе стороны считали, что совместная работа совершенно невозможна. «Сафаров, — сообщал Иоффе в Москву, — истерик, не могущий владеть собой и даже готовый дисциплинированно проводить коллегиальное решение, не могущий сдержаться

и действующий как его левая нога хочет. Его поездки по районам являются сплошным погромом и разгромом, ибо при своем властолюбии и несдержанности он иначе как по держимордовски действовать не может. Одной из причин невозможности совместной деловой работы всей Турккомиссии является, по его собственным словам, то, что Турккомиссия становится учреждением для приема жалоб и заявлений и утирания кулацких носов. В этом усматривается неисполнение «договора», ибо обещано ведь было поставить крест на прошлом. Но спрашивается, как же не утирать носы, раз все они разбиты в кровь, и эту кровь все же необходимо остановить»<sup>20</sup>.

В свою очередь Сафаров в письме от 21 августа уверял Ленина, что хотя в ходе реформы и «были «разбиты стекла», но работы пришлось вести «по-пожарному», и только в Семиречье «не на словах, а на деле проведена национальная политика Советской власти», ибо «басмачество в общетуркестанском масштабе будет стоить дороже». Соглашаясь с этими рассуждениями, председатель Совнаркома РСФСР пишет Сталину: «По-моему, Сафаров вполне прав». Кстати, еще в марте 1921 г. Ленин опротестовал постановление Оргбюро ЦК, которое предлагало направить в Туркбюро директиву о том, чтобы «исполнение решения ЦК РКП об отобрании земель у семиреченского кулачества временно приостановить». «Не приостанавливать, — возражал Ленин, — а определить сроки, приступив к выполнению этой же весной (по отношению к десяткам злейших кулаков)». При этом председатель Совнаркома исходил из того, что «семиреченского восстания еще нет, а Ферганское (саргы) уже есть»<sup>21</sup>.

Примечательно, что почти год спустя, 15 февраля 1922 г., Иоффе писал Ленину: «По чекистским донесениям, в Семиречье ныншней весной нужно ожидать крестьянских восстаний. Я этого не думаю, ибо полагаю, что русское крестьянство настолько ущемлено, что на восстание не пойдет и ограничится пассивным протестом в виде обратного переселения на старую родину (что уже имеет место и теперь). Хотя это и противоречит видам НЭП, но в интересах общей нашей восточной политики некоторое ущемление русского крестьянства неизбежно»<sup>22</sup>.

Ленинскую точку зрения по поводу того, что Сафаров «вполне прав», Сталин не поддержал. «Два года сафаровской политики, — протестовал он 5 сентября, — показали, что Сафаров не может вести ни систематической, ни осмотрительной, ни разумной политики, — он, обычно, утрирует некоторые истины нашей национальной политики, грубо перегибает палку и выскакивает за рамки всякой разумности». Ссылаясь на обострение национальной вражды между русскими и туземцами в Туркестане, хроническую склоку в местных партийных и советских органах, их бесконечные апелляции к Москве и «истерические намеки Сафарова об уходе», Сталин предлагал снять «Жоржика»: «Ему нельзя давать самостоятельной руководящей работы, ибо он сам нуждается в руководителе». Узнав 9 сентября из доклада Рудзутака о безобразиях, сопутствовавших проведению землеустроительной реформы, и угрозе туркестанских железнодорожников выйти в знак протеста поголовно из партии, будущий идеолог жестокой коллективизации пишет Ленину: «Ждать больше нельзя. Отвечать дальше за художества Сафарова недопустимо. Предлагаю вызвать срочно Сафарова и Иоффе и поставить вопрос о снятии Сафарова». На этом же настаивал и Иоффе, который в телеграмме от 9 сентября предупреждал Ленина, что оставление Сафарова в Туркестане «недопустимо, ибо создаст перманентную склоку, полное отсутствие работы и дальнейшее разложение». Но ни мнение Сталина, ни обращение Рудзутака к членам Политбюро, ни телеграмма Иоффе, предлагавшего предоставить Сафарову «долгосрочный отпуск ввиду болезненного состояния», не повлияли на решение Ленина: «Не предпринимать отзыва Сафарова». Впрочем, он соглашается дать ему отпуск по болезни, и 13 сентября Политбюро принимает постановление на сей счет: «а) Дать отпуск т. Сафарову, согласно его просьбе, по болезни с вызовом в Москву. б) Поставить вопрос в Политбюро о политике в Туркестане по получении письменного доклада т. Иоффе и ознакомлении членов Политбюро со всеми материалами»<sup>23</sup>.

В тот же день Ленин предписывает Иоффе тщательно расследовать обстоятельства дела, ибо «есть некоторые разногласия по этому вопросу внутри Цека», и лично он очень подозревает линию Томского-Петерса «в великорусском шовинизме или, правильнее, уклоне в эту сторону». Ленин поясняет Иоффе, что для мировой политики РСФСР «дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклана в эту сторону не потерпим». Ленин подчеркивает, что это — «мировой вопрос», и, поскольку его решение «скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным». Между тем Сафаров не устал обличать Томского и Петерса в «непрерывных шатаниях в сторону колонизаторства», и, уверяя ЦК РКП(б) в телеграмме от 13 сентября, что не может нести ответственность за дезорганизацию во всех областях работы, просил освободить его от обязанностей члена Туркбюро и дать 2-месячный отпуск для написания книги. (Его монография «Колониальная революция» стала первой капитальной работой по истории революционного движения в Туркестане и не потеряла своей ценности и поныне.) Хотя Сафаров был вызван в Москву, он, жаловался Петерс, «своей истерикой» сумел представить себя «мучеником за киргизское дело», а своих оппонентов — скрытыми колонизаторами, и до самого своего отъезда вел «интенсивную подпольную работу, устраивая групповые совещания, в результате чего последовало постановление Исполбюро [ЦК КПТ], четырех — за и трех — против, об отзыве Томского и моего»<sup>24</sup>.

Прибыв в Москву, Сафаров обратился в ЦК РКП(б) с большим письмом, в котором вновь доказывал, что «в Семиречье только земреформа помешала белогвардейским генералам Бакичу и Анненкову использовать киргизскую бедноту как контрреволюционный материал». Политбюро, требовал Сафаров, должно официально признать, что земреформа «в общем и целом проведена правильно», а также немедленно отозвать из Туркеспублики Томского и Петерса, поскольку их оставление там будет означать для местных работников, что ЦК РКП(б) «выставляет свой авторитет против них и *volens-nolens* в пользу явно- и полукolonизаторских элементов». Немедленно отреагировав на сафаровский «ультиматум», Ленин 12 октября написал В. М. Молотову: «Прошу прочесть и показать секретно только членам Политбюро. Я — за освобождение Томского от должности в Туркестане, ибо даже Рудзутак, друг Томского, говорил мне вчера: ...Если я «колонизатор» на 3/4, то Томский на 5/4». Еще 23 сентября Ленин высказался за вызов Томского в Москву, куда тот прибыл неделю спустя<sup>25</sup>.

14 октября Политбюро утверждает новый состав Туркбюро и Туркомиссии: председатель — Г. Я. Сокольников (до его приезда — А. А. Иоффе), члены — В. П. Ногин, Я. З. Суриц, Я. Х. Петерс (временно), Н. Т. Тюркулов, А. Р. Рахимбаев и К. С. Атабаев. В постановлении, в частности, говорилось: «Земельная реформа в дальнейшем должна проводиться в порядке землеустройства коренного и пришлого населения в целях уравнивания обеих групп в праве на пользование землей и водой и ликвидации самовольных захватов земель коренного населения, причем в первую очередь должны быть устроены самовольцы, переселенные в старожильческие поселки, и новоселы коренного населения, получившие обратно захваченные у них земли»<sup>26</sup>.

Тем не менее вопрос о деятельности Сафарова в Семиречье остается открытым, и последний 19 декабря заверяет Ленина, что несмотря на свою теперешнюю «чрезвычайно спокойную работу» (в Коминтерне) он вовсе не пытается избавиться от ответственности. «Напротив того! — без всякого раскаяния с апломбом заявляет Сафаров. — Нужно судить или меня или тех, кто сейчас упражняется в кулацко-семиреченском «интернационализме». Сафаров утверждает, что вся проделанная им за полтора года работа в Туркестане пошла «насмарку» и воцарившаяся там атмосфера «вряд ли может быть охарактеризована иначе как погромная, ибо происходит «чистка» тех, кто был повинен в той или иной мере в «сафаровской» политике»,

а Петерс и подчиненные ему чекисты ездят на «экскурсии» к семиреченским кулакам за обвинительными материалами против Сафарова, то есть «поворот к колонизаторству — полный!»

Это послание Ленин отправляет новому председателю Туркбюро Сокольникову, которому пишет: «Я думаю, что Сафаров (по крайней мере, отчасти) прав. Очень прошу Вас расследовать объективно, чтобы не дать склоке, сваре и мести испортить работу в Туркестане»<sup>27</sup>. Но уже 20 декабря Сафаров узнает, что материалы о его неблагоприятной деятельности в Туркестане переданы Ногинным в ЦКК РКП(б), в связи с чем вновь обращается к Ленину с возбужденным нервным письмом (от его прежней самоуверенности не осталось и следа!), в котором обвинения в свой адрес называет «продуктом клеветы и колонизаторского террора», «попыткой политического убийства из-за угла».

«Реставрация колонизаторства в Туркестане в полном ходу, — жалуется Сафаров Ленину, — чистка проводилась под лозунгом «долой сафаровщину!», и т. д. и т. д. — можно ли при этих условиях рассчитывать на малейшую объективность? Ведь под фирмой Туркбюро все это проделывалось и проделывалось очень основательно. Поэтому / сейчас я нахожусь в таком положении, что защищаться не могу. Мое «дело» есть «политический процесс»: если какой-нибудь Петерс совершенно сознательно выступит в качестве защитника и радетеля кулачья, то другие делают это потому, что не понимают того, что есть на месте. Только Вам лично, Владимир Ильич, я решаюсь писать об этом. Все было организовано для суда над «сафаровской» политикой. Вы, конечно, понимаете, что всякое суждение по этому вопросу в партийно-следственном порядке (Петерс это проделывал, главным образом, в порядке чекистско-террористическом) должно только подлить масла в огонь и еще больше насытить атмосферу погромными настроениями. Мне никогда еще не приходилось сталкиваться с более гнусным нападением. Если последний акт моей войны с колонизаторством должен разыграться в высшем партийном органе, то я заранее отказываюсь от всякой защиты и объяснений: каждый мало-мальски честный человек скажет, что мною сделано больше, чем кем-либо в Туркестане, для дела нашей партии в туземной среде.

В 1905 г. я начал работать в [социал]-д[емократических] кружках. С начала 1908 г. — в партии. Это стаж не очень большой, но он все же позволяет мне иметь настолько личного и партийного достоинства, чтобы не доказывать, что я носовых платков не таскаю, мордобойством не занимаюсь, прохвостом не состою. Для меня дело идет о политическом убийстве — меня как члена партии. Поэтому очень прошу, чтобы вопрос был решен по существу».

Как и Ленин, Сокольников мыслил «мировыми категориями» и, изучив материалы (присланные ему Петерсом) об избиениях Сафаровым и его подручными «колонизаторов» Каракольского уезда, написал 24 декабря следующее заключение: «Эти показания, если их объективно расценивать, прежде всего доказывают глубочайшую обиду и внутреннее озлобление «русских» людей из числа подчиненных Сафарова, бывших орудиями террористической политики в интересах «киргиз» против «русских»; во-вторых, службистскую готовность чекистов перед начальством (Петерсом) от себя обвинения отвести, на Сафарова переложить; в-третьих, несомненно устанавливают, что Сафаров проводил политику демонстративного терроризирования российских фермеров-рабовладельцев и демонстративного освобождения киргизских рабов».

Можно допустить, рассуждал Сокольников, что Сафаров «впал в излишество словесных угроз» и будто бы даже ударил кого-то линейкой, что «не «конституционно» и не «морально», но недопустимо, чтобы это было превращено в исходный пункт политического нападения на завоевания киргизских «рабов». Тов. Ногин и другие несомненно не отдают себе ясного отчета в том, что их борьба против Сафарова есть перенесенная внутрь нашей партии «звериная» борьба русского колониста против кочевого киргиза. Если центральные учреждения нашей партии поддержат

их поход — они приложат руку к политическому убийству не Сафарова, а РКП в Туркестане, наглядно показав, как даже в РКП карается измена «своей» нации и переход на сторону рабов «чужой» национальности». Последнюю фразу Ленин пометил словами: «безусловная правда!» и в тот же день поспешил успокоить Сафарова: «Не нервничайте, это недопустимо и позорно, не барышня 14 лет. Я передал Ваши письма Сокольникову, которого буду предлагать в ЦК послать в Туркестан разобрань дело. Говорил с Сокольниковым и установил (*entre nous!*) (между нами. — В. Г.) его согласие на вздорность начатого против Вас дела. Не нервничать. Продолжать работу, ниоткуда не уходя. Уметь деловито и спокойно подбирать материалы против начавшихся неслучайное дело. Ваш Ленин»<sup>28</sup>.

Хотя предсовнаркома настаивал на скорейшем отъезде Сокольникова в Туркескеспублику, последний полагал, что эта поездка «в разгар склоки против сафаровщины» загубит его положение «суперарбитра» по туркестанским делам. «Сейчас, — замечал Сокольников, — должны ехать люди менее причастные к семиреченской реформе, чем я, и которым следовательно меньше грозит безнадежно потонуть в склоке». Однако 31 декабря, по докладу Сталина, Политбюро решает все же предложить Сокольникову немедленно выехать в Туркескеспублику, обещая «занять его там небольшое число недель, если он гарантирует на деле такую политику в Туркестане, по которой не может быть ни тени Ульстера (Ольстера. — В. Г.) и в то же время ни тени тех крайностей, в которые впадал Сафаров». Вместе с тем поскольку на том же заседании было принято постановление назначить Сокольникова первым замнаркома финансов РСФСР, а наркомфин Н. Н. Крестинский предупреждал, что отъезд его заместителя в Ташкент «страшно отразится на работе Комиссариата», уже 5 января Политбюро приняло решение «освободить т. Сокольникова от поездки в Туркестан», куда вскоре отправился его заместитель С. И. Гусев<sup>29</sup>.

Между тем заключение Сокольникова по делу Сафарова (с ленинскими пометками!) было разослано не только членам Политбюро, но и авторитетному члену ЦКК РКП(б) А. А. Сольцу, что, несомненно, повлияло на вердикт высшего партийного суда. Заслушав 3 января 1922 г. объяснения всех причастных к конфликту лиц, ЦКК пришло к заключению, что «обвинения, выставленные против тов. Сафарова, в той форме, в какой они выдвигаются, необоснованны, и источником их является групповая борьба о методах вовлечения киргизских трудящихся масс в партийную и советскую работу». Тем не менее было констатировано, что «при проведении своей политики по борьбе с так называемым колонизаторством т. Сафаров не всегда сохранял должную выдержку и тем дал повод к выдвиганию против него компрометирующих его обвинений». Небезынтересно привести «особое мнение» одного из членов ЦКК М. И. Челышева: «Поскольку тов. Сафаров признается невиновным в деле избиения и проч., я предлагаю привлечь к ответственности гг. Ногина, Рудзутака, Томского, Иоффе, Правдина и Петерса как создавших это дело»<sup>30</sup>.

Не получив даже выговора за свои бесчинства в Туркестане, Сафаров продолжал работать заведующим Восточным отделом и секретарем Исполкома Коминтерна, а позже, с мая 1922 г. и до конца 1925 г., являлся членом Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), редактором «Ленинградской правды»; на XI и XIII партсъездах избирался кандидатом в члены ЦК. Его карьере оборвало участие в «новой оппозиции». Арестованный после убийства С. М. Кирова, Сафаров сначала был подвергнут административной высылке, но уже в 1936 г. его приговорили к пяти годам лишения свободы. Хотя во время следствия, а также находясь в ссылке и заключении, он, как отмечается в справке КПК при ЦК КПСС, «выступал с провокационными ложными показаниями против многих людей, приписывая им участие в антисоветской деятельности», это не спасло его жизнь: по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 27 июня 1942 г. любимец Ленина и Зиновьева был расстрелян.<sup>31</sup>

Итак, деятельность Сафарова в Туркестане особых последствий для него не имела, чего никак нельзя сказать о ее разрушительном влиянии на

судьбы тысяч русских крестьян и состояние экономики края. «Положение тех территорий, которые я лично видел и изучал, — сообщал Иоффе в Москву, — можно охарактеризовать двумя словами: мерзость запустения. Благословенный край, некогда эдем человечества, лежит во прахе, и всеобщее разрушение идет крещендо».

Делясь своими впечатлениями о посещении Джалалабадского района, Иоффе не скрывал негодования: «Я видел собственными глазами, что отобранная у русских крестьян ранее засевавшаяся ими земля стоит ныне никем не засеянная и не вспаханная, во всей своей девственной неприкосновенности... Я видел заброшенные русские избы и заброшенные при этих избах русские огороды — то и другое, переданное киргизским артелям, живущим рядом в юртах и забросившим все это только потому, что они не знают, как обращаться с русской печью и как ухаживать за русским огородом. Стремление мстить, разрушать для того, чтобы одних проучить, а других научить, доводит до того, что все пчеловодство в районе разрушено только во имя разрушения: пасек киргизам не передавали и тем не менее пасечникам «под страхом смертной казни» было запрещено являться на свои пасеки, в результате чего окрестные жители приходили на пасеки, вынимали из ульев рамки, опускали их в воду и, когда пчелы погибали, выбирали мед». Джалалабадский район, возмущался Иоффе, «единственная хлебная житница Ферганы, теперь не только никого кормить не может, но сам неизбежно должен голодать и, по-моему, не только нынешний год, но в лучшем случае и будущий, а то и будущие».

Такая же картина разрушения крестьянского хозяйства наблюдалась и в Семиречье, где выселение еще не успевших окрепнуть самовольцев и уплотнение старожильческих поселков ударило в первую очередь по имущественному положению бедняков. «Что касается самих киргиз, — свидетельствовал Иоффе, — то вселенные в русские поселки, но не привыкшие к русским условиям хозяйства и оставленные без всякого руководства и инструктирования, они сплошь да рядом запускают хозяйства и огороды и по-прежнему умирают с голода. С хозяйственной целесообразностью считались очень мало и весьма часто, распределяя землю между трудовыми артелями, специалистам-огородникам отводили пахотную землю, а бывшим батракам, умеющим пахать, но не знающим ни огородничества, ни садоводства, отводились сады и огороды». Иоффе указывал, что основа благосостояния района (скотоводство и земледелие) перманентно разрушается и, если в 1915 г. в Семиречье было засеяно около 640 тыс. десятин и имелось около 9,2 млн. голов скота, то в 1920 г. эти цифры уменьшились соответственно до 300 тыс. десятин и 2,6 млн. голов, причем, хотя местные администраторы гордятся тем, что в 1921 г. площадь посевов увеличилась до 436 тыс. дес., на деле это оказалось чистым блефом, ибо урожайность с десятины упала вдвое<sup>32</sup>.

«В результате этой земельной реформы, — подытоживал Рудзутак, — мы имели верненское и нарынское восстания, громадный недосев и уже начинающийся голод в некоторых ранних хлебоборных районах (Ленсинский уезд). Указания на произведенные принудительные добавочные посевы являются или незнанием положения, или хвастовством, ибо земля под эти посевы была поднята поздно, после начавшейся весенней засухи, большими глыбами, и уже к концу мая запашки заросли степной травой. Для меня совершенно ясно, что 4/5 из поселившихся в выселенных поселках киргиз перейдут опять на кочевое положение, ибо недостаток хлеба к концу зимы и весной будет очень чувствителен в этом районе. Вместе с недостатком хлеба, конечно, в значительной степени понизится тот подъем среди киргиз Семиречья, который удалось создать ценой разорения сельского хозяйства плодороднейшей области Туркестана»<sup>33</sup>. Помимо этого, масса русского населения выехала из Семиречья на старую родину, часть неоднократно высылалась в другие районы Туркестана, возвращалась обратно и опять высылалась.

Опыт семиреченского «землерасстройства», проведенного, по определению Иоффе, «методами бесшабашного террора, опустошения

и разрушения»<sup>34</sup>, еще раз напоминает, что исправление несправедливостей, причиненных прежней властью, восстановление попранных прав и достоинства народа несовместимы с местью и насилием, безответственной демагогией и попытками стравливания людей разных национальностей, происхождения или убеждений.

### *Примечания*

1. Известия ЦК КПСС, 1991, № 1, с. 118.
2. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. М. 1996, с. 450; САФАРОВ Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана.). М. 1921, с. 43, 51; Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. М. 1963, с. 190.
3. БЕЛЕНКО В. Первые этапы. В кн.: Три года. 1918 — февр. 1921. Ташкент. 1921, с. 10; СОКОЛЬНИКОВ Г. Колониальные «соблазны». — Правда, 29.XII.1921.
4. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 5, оп. 1, д. 2156, л. 44.
5. Там же, ф. 61, оп. 1, д. 10, л. 28.
6. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2156, л. 48.
7. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 20724, л. 1.
8. Там же, ф. 122, оп. 1, д. 55, л. 19.
9. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 20724, л. 2.
10. Там же, ф. 670, оп. 1, д. 57, л. 133—134, 101.
11. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2156, л. 34—35.
12. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 23987, л. 1.
13. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2156, л. 51.
14. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 20724, л. 1.
15. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2157, л. 3; ф. 2, оп. 1, д. 24261, л. 4.
16. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 23987, л. 1; Десятый съезд РКП(б), с. 194.
17. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2920, л. 154.
18. Там же, ф. 670, оп. 1, д. 57, л. 113, 117—123, 126, 106.
19. Там же, ф. 17, оп. 3, д. 192, л. 1.
20. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2156, л. 17, 20.
21. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 24621, л. 5; д. 17691, л. 1; Ленинский сб. XXXIX, с. 274.
22. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2157, л. 15.
23. Там же, ф. 558, оп. 1, д. 5190, лл. 1—2; ф. 2, оп. 1, д. 20785, л. 1; ф. 17, оп. 3, д. 201, л. 2.
24. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 53, с. 189—190; РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 20888, л. 1; д. 21017, л. 1; ф. 670, оп. 1, д. 57, л. 101.
25. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 21309, л. 2—3; ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 53, с. 259.
26. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 215, л. 1.
27. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 22464, л. 1—3; ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 54, с. 86.
28. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22472, л. 1—2; д. 22485, л. 1; ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 54, с. 91—92.
29. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 1370, л. 1; ф. 17, оп. 3, д. 247, л. 1; д. 249, л. 1.
30. Там же, ф. 613, оп. 1, д. 4, л. 1, 3.
31. Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М. 1991, с. 130—133.
32. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2156, л. 34, 36, 50—51.
33. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 20724, л. 1.
34. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2156, л. 42.